

ОТ РЕДАКЦИИ

Важнейшей составной частью «журнального дела», будь то журналы научные, общественно-политические, художественные, является критический обзор литературы в данной области. Читатель хочет и вправе иметь представление о потоке научной (политической, художественной и т.д.) литературы и получать ориентиры в этом безбрежном потоке. Следует признать, что «Социологические исследования» и тогда, когда это был единственный социологический журнал в стране, и ныне, когда только в России их несколько (а с учетом популярности социологии, по данной проблематике выступают сотни органов печати), далеко неполностью справляется с этой задачей. Конечно, речь не может идти о том, чтобы «обозреть» все, вышедшее из печати, а только о наиболее заметных явлениях, особенно в развитии современного российского общества. Ведь только в № 6-9 за 1995 г. в рубрике «Книжная полка социолога» приведены названия 163 новых книг по социологической и смежной тематике.

В ближайших планах редакции - увеличение объема рецензируемой литературы, доведение до сведения читателей новых идей и результатов исследований, полученных как в социологических центрах, так и отдельными авторами. Кроме этого, в критико-библиографический отдел журнала предлагается ввести дополнительно новый «жанр»: отклики на статьи в других (и нашем) научных журналах, если в них поднимается важная, волнующая социологическую общественность тема. В качестве первого опыта такого рода мы помещаем заметку члена-корреспондента РАН М.Н. Руткевича.

© 1996 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

ДЕПОПУЛЯЦИЯ ИЛИ ВЫМИРАНИЕ?

РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич - член-корреспондент РАН.

При известном сходстве этих понятий они существенно отличаются по своему содержанию. Депопуляция, читаем в «Демографическом энциклопедическом словаре», означает «уменьшение абсолютной численности населения какой-либо страны или территории либо суженное его воспроизводство...» [1]. Депопуляция стала «достоянием» многих развитых стран Европы, поскольку уменьшение рождаемости при переходе на одно-двухдетную семью не компенсируется снижением уровня смертности и в перспективе не обеспечивает даже простого воспроизводства численности населения. Это без учета миграции, которая в некоторых странах (в Германии, например, за счет притока немецкого и не только немецкого населения из стран Восточной Европы) обеспечивает пока что рост численности населения и улучшение общих демографических показателей. В СССР картина до распада Союза и начала «реформ» в России и других постсоветских государствах выглядела, на первый взгляд, более благоприятной. Так называемый «чистый» коэффициент (нетто-коэффициент) воспроизводства населения в течение последних тридцати лет (1958/59—1988) оставался выше единицы, колеблясь от 1,262 в начале периода до 1,141 в конце его. Однако ситуация по республикам и регионам, а особенно по этносам, существенно разли-

чалась. В РСФСР нетто-коэффициент в 70-е годы был ниже единицы, и только в 1986-1988 гг. превысил это значение (в 1988 г. 1,005), но среди городского населения, перешедшего в основном на одно-двухдетную семью всего 0,896 [2]. Уже в следующем 1989 г. данный показатель пересек «заветную черту», снизившись до 0,953 по всему и до 0,866 по городскому населению [3]. Далее положение ухудшалось. Речь должна идти, однако, не только о населении РСФСР (затем РФ) в целом, но и о русском этносе. Ввиду отсутствия достаточных данных о ходе демографических процессов в других постсоветских государствах (в том числе по русскому населению), сравнение далее проводится по основному массиву русских, проживающих на территории России. В РСФСР, согласно переписи населения 1989 г., русские составляли 81,5% населения. Следует учитывать, что по образу жизни, в том числе по демографическому поведению, украинцы и белорусы, проживающие в русских областях, практически не отличаются от русских. Вместе с ними русские составляли в этом же году 85,3% [4]. Сказанное может быть с известными поправками отнесено и ко многим другим национальным меньшинствам, особенно "рассеянными" по территории страны, а также части «титულных» народов бывших автономий (мордва и т.д.). Однако менее 10% жителей РФ принадлежат к народностям, сохранившим традиции многодетной семьи и высокий уровень рождаемости; именно эта часть инонационального населения существенно влияет на общие показатели. Так, в 1989 г. при общих по населению РСФСР показателях рождаемости и смертности 14,0 и 10,0 на 1 000 человек, среди русских они составляли 13,4 и 10,9, в то время как среди других этносов, взятых вместе, 20,5 и 10,0; рождаемость у русских была вдвое ниже, а смертность несколько выше. Стало быть, депопуляционные процессы сильнее всего давали о себе знать среди коренного русского населения, особенно сосредоточенного в городах и опустевших деревнях Центра и Севера европейской части России (например, по Тверской области: 12,5 и 13,9) [5].

О перспективе депопуляционных процессов лучше всего судить по количеству детей, рождаемых 1 000 женщин в возрасте свыше 15 лет на всем протяжении фертильного периода их жизни; показатель рассчитывается путем суммирования повозрастных показателей рождаемости, наблюдаемых в данном году. В 1979 г. на 1 000 русских женщин приходилось 1 773 рождений [6]; А. Первышин дает более высокие цифры потерь [7]. Это данные по СССР, но нет оснований полагать, что по демографическому поведению русские в других республиках существенно отличаются от русских в РСФСР. Некоторое повышение этого показателя в 80-е годы сменилось к концу десятилетия его снижением. Условием простого воспроизводства населения в перспективе при тогдашних (до кризиса 1992-1995 гг.) показателях повозрастной смертности, а также учета части населения, не имеющего детей, является индекс 2,2-2,3. Стало быть, депопуляция среди русских как этноса, как нации, началась давно.

Нас интересует вопрос: при изучении сдвигов последних лет исчерпывает ли это понятие демографической науки качественно новую ситуацию, которая сложилась в результате распада Союза и жесточайшего социально-экономического кризиса, разразившегося в полной мере после принятия курса, известного под названием «шоковой терапии»?

Социально-экономические последствия «рывка» к «дикому» капитализму, совершаемого по рецептам МВФ и других подвластных Западу международных финансовых центров, хорошо известны. Промышленное производство сократилось в два раза, и его структура изменилась в пользу сырьевых отраслей; сельское хозяйство в полном упадке, страна попала в продолжительную зависимость от Западного внешнего долга РФ растет с такой скоростью, что новые кредиты вскоре будут целиком идти на погашение процентов по старым, т.е. на «обслуживание долга». Попавшая в финансовую кабалу, экономическую и политическую зависимость от основных центров мировой мощи во главе с США Россия неумолимо скатывается к положению, характерному для стран «третьего мира». Жизненный уровень основной массы населения резко упал, более 40 миллионов граждан (осень 1995 г.) находятся за пределами «физио-

Логического прожиточного минимума», т.е. пребывают в нищете. Питание 70-80% населения ниже нормы по белкам и витаминам, система здравоохранения в значительной части разрушена, давно забытые «социальные» болезни, вроде туберкулеза и дифтерии получают широкое распространение. Водка стала относительно самым дешевым продуктом, винная монополия государства отменена, люди спиваются и часто отравляются импортной низкосортной алкогольной продукцией.

Разруха в хозяйстве и свертывание социальной сферы находят наглядное выражение в демографических процессах. С 1989 по 1994 г. рождаемость снизилась с 14,6 на 1 000 человек до 9,6, а смертность возросла с 10,7 до 15,6 [5, с. 775]. Естественная убыль населения (которая лишь отчасти покрывается миграцией русского и русскоязычного населения, «выдавливаемого» из бывших союзных, а теперь и некоторых бывших автономных республик) не перекрывает растущей его убыли по естественным причинам. Последняя составила в 1993 г. 750 тысяч человек, в 1994 г. - 920 тысяч; в первом квартале 1995 г. - 225 тысяч [8]; на 1995 г. прогнозируется около 1 миллиона человек.

Кривая депопуляции настолько изменила свой характер, что употребление устоявшегося по своему смыслу термина «депопуляция» требует дополнительной характеристики, так как это депопуляция качественно иная, чем ранее, принявшая *катастрофический* характер. Не случайно в документах ООН говорится о «демографической катастрофе» в России; это мнение разделяют и отечественные эксперты [9].

Демографическая катастрофа *не сводится* к растущей естественной убыли населения. Ее составными элементами являются также ухудшение физического и психического здоровья населения и - в результате - потери в генофонде нации. Изменяется структура смертности, как по возрастной - до 30% погибают в трудоспособном возрасте, так и по соотношению причин смертей. Число убийств (на 100 000 человек) с 1990 по 1994 г. возросло с 14,3 до 32,4, т.е. более, чем в два, а самоубийств с 26,4 до 41,9, т.е. более, чем в полтора раза [10]; число перенесших алкогольные психозы выросло за это время в четыре раза. Ухудшение питания и резкое сокращение базы летнего отдыха детей и подростков приводят к тому, что при приеме в I класс врачи признают здоровыми 20% детей, а к восьмому классу таковых остается всего 6% [10]. Перейдем к обсуждению оценок создавшегося положения. Среди демографов, возможно, в качестве реакции на господство вульгаризованного марксизма, выразившееся в попытках непосредственного сведения хода демографических процессов к социально-экономическим переменам, ныне превалирует, как мы сказали бы, «спокойная» оценка сегодняшней драматической ситуации. Склонность к ограничению своего кругозора только демографическими закономерностями приводит многих к экстраполяции изученных на протяжении десятилетий тенденций (волнообразное течение рождаемости в связи с последствиями войн и голодовок, постепенное снижение смертности вследствие улучшения состояния здравоохранения при известном росте его общего показателя вследствие старения населения и т.д.) на последний этап истории страны. В.И. Козлов в статье, обратившей на себя внимание научной общественности, приводит наиболее одиозные высказывания некоторых видных демографов насчет ближайшей перспективы. Так, А. Вишневецкий в 1993 г. писал, что «с учетом даже самых поздних лет никакой особой тенденции к снижению рождаемости не просматривается»; тогда же А. Волков утверждал, что «в обозримой перспективе численность населения России не претерпит значительных изменений» и т.п. [5, с. 776].

В подобном духе выдержана также статья О.Д. Захаровой в девятом номере журнала «Социологические исследования», хотя «на дворе» был не 1993, а осень 1995 г. Автор, конечно, не может обойти стороной упомянутые сдвиги в социально-экономической ситуации, более того, пытается дать количественную оценку соотношения роли долговременных демографических факторов и «катастрофического падения уровня жизни». Свои рабочие расчеты О.Д. Захарова не приводит, но вывод делает такой: «удельный вес (кризиса) в дальнейшем снижении рождаемости можно оценить не менее, чем в 20-25%». Объединяя весьма несхожие (с учетом девяти-

месячного срока, отделяющего зачатие от рождения) четыре года, с 1990 по 1993 включительно, автор определяет «соотношение последствий тайминговых сдвигов и современного социально-экономического кризиса как 5 к 1» [11]. Если первая оценка представляется нам заниженной, то вторая воспринимается как искусственная. Воздействие «шокотерапии» начало существенно сказываться на рождаемости к концу 1992 г., развернулось в 1993 г. и получило дальнейшее углубление в 1994-1995 гг.

Под «тайминговыми сдвигами» понимается уменьшение численности женщин детородного возраста как демографического отголоска военной поры. Другие ученые, подходящие к проблеме без «официозной зашоренности», полагают, что данный и другие долговременные факторы «могут быть определяющими примерно на 15%, а остальные 85% связаны с истинным падением репродуктивной активности населения» [9], которое определяется действием социально-экономического кризиса.

Выводы автора имеют своей причиной, во-первых, самоограничение итогами 1993 г., что для статьи, публикуемой в конце 1995 г., в условиях крайне нестабильной ситуации, представляется непростительным промахом. Во-вторых, О.Д. Захарова впадает в противоречие сама с собой в разных частях статьи. Ранее она справедливо замечает, что «продолжительность жизни - универсальный индикатор уровня и качества жизни населения, его стагнация - признак стагнации экономической» [1, с. 101]. Ну, а разве это не так, когда стагнация сменяется резким сдвигом этого уровня «вниз»? Ожидаемая средняя продолжительность жизни, как известно, рассчитывается для родившихся в данном году при предположении, что сохраняется наличные по возрастные показатели смертности. Этот условный показатель медленно рос, испытывая известные колебания, с конца 50-х годов до 1989 г. с 68 до 70 у мужчин - 65, у женщин - 75). К 1992 г. он снизился до 68 (как в начале 80-х), но при возрастании разрыва между полами до 12 лет (62 и 74) [8, с. 46]. Но уже в 1993 г. (этот год попал в поле зрения уважаемого автора) он испытал резкое снижение сразу на три пункта - до 65, причем у мужчин до 59 лет, т.е. ниже возраста выхода на пенсию, в 1995 г. (прогноз) до 56 лет, а в Смоленской области - до 52 лет [12]. Почему бы не оценить соотношение роли двух указанных факторов не только применительно к рождаемости, но и к «универсальному показателю»? Не потому ли, что в данном случае вряд ли подлежит сомнению решающая роль социально-экономического кризиса? Известный эксперт в области здравоохранения Д.Д. Венедиктов полагает, что «здоровье нации на 80 процентов определяется тем, что творится в экономике, окружающей природе, в укладе и условиях жизни» [13].

Анализ изменений в продолжительности жизни за 1993 г. неминуемо должен был бы подвести автора к менее «спокойным» оценкам роли кризиса во всей совокупности демографических сдвигов и далее к сомнению в достаточности термина «депопуляции» при характеристике демографической катастрофы, вызванной социально-экономической катастрофой российского общества. Но это потребовало бы от О.Д. Захаровой, опытного специалиста в своей области, задуматься и над тем, что под флагом борьбы с вульгаризованным марксизмом, пытавшимся редуцировать демографические процессы к социально-экономическим, произошел перегиб в другую сторону, к недооценке влияния последних, а именно изменений в образе, качестве и уровне жизни населения, на его «демографическое поведение». В статье и не ставится вопрос о реальности угрозы *вымирания русского этноса*, если указанный кризис затянется и выход из него до конца нынешнего столетия не будет найден.

В отличие от статьи О.Д. Захаровой, статье В.И. Козлова присущ научно-публицистический характер, автор проникнут неподдельной тревогой за судьбу русского народа и российского государства. С основными тезисами и тональностью выступления В.И. Козлова можно согласиться, ситуация складывается воистину драматическая. Главный недостаток этой статьи, на наш взгляд, произрастает, в конечном счете, из того источника, что был отмечен в отношении статьи О.Д. Захаровой: недостаточного внимания к *тенденциям социально-экономического развития*. Кажется бы,

О.Д. Захарова склонна преуменьшать связь демографических процессов с социально-экономическими, а В.И. Козлов, напротив, эту связь подчеркивает. Но при этом В.И. Козлов, вслед за М. Бернштамом, допускает при прогнозировании прием, который оправдан на сравнительно коротких временных дистанциях и при стабильных экономических условиях. Речь идет о *линейной экстраполяции* сложившихся за краткий срок временных тенденций на сравнительно длительную историческую перспективу. Конечно, если страна надолго застрянет в нынешнем кризисе, катастрофическое развитие демографических процессов может привести к сокращению численности русского этноса к середине XXI века до 50 миллионов человек. В.И. Козлов пишет об этой перспективе, естественно, в предположительном тоне, но сопровождает прогноз замечанием об «очевидной невозможности выбраться», по крайней мере к началу будущего века, «из этой экономической трясины» [5, с. 776].

Мы далеки от мысли, что много раз прозвучавшие обещания российских властей о скорой стабилизации экономики заслуживают доверия, хотя они сопровождались угрозами «лечь на рельсы». Итоги первых девяти месяцев 1995 г. преподносятся ими как «большой успех», как «начало стабилизации». На деле ВВП продолжал снижаться, хотя и не столь быстро, - на 3% по сравнению с тем же периодом прошлого года, в то время как реальные денежные доходы населения уменьшились на 12% [14]. Численность безработных продолжает расти, структура промышленности ухудшаться, задолженность по зарплате и пенсиям накапливаться и т.д.

Имеются два основных варианта выхода из социально-экономического кризиса. Первый, его придерживается правительство и стоящая за ним компрадорская буржуазия, был охарактеризован председателем Комитета Госдумы по экономической политике С. Глазевым следующим образом: «согласиться с пассивным приспособлением к экономической депрессии и ждать, пока стабилизация не произойдет сама собой вместе с исчезновением значительной части обрабатывающей промышленности» [15]. Это путь затяжной и связанный с колоссальными жертвами для основной массы населения: рабочих и ИТР ВПК и всей обрабатывающей промышленности, крестьянства, так называемых «бюджетников», т.е. учителей, врачей, научных работников, мелких служащих госаппарата, офицерского состава, а также пенсионеров и всех категорий населения, получающих пособия, в том числе многодетных семей. Демографическая ситуация будет при таком развитии событий еще более ухудшаться: старики успешно вымирать, молодые не торопиться с обзаведением потомством, численность бездомных, больных и нищих, убийств и самоубийств, алкоголиков, наркоманов и т.д. расти.

Другой вариант, предлагаемый достаточно широким спектром оппозиционных партий и движений, выражающих интересы наемных работников и значительной части отечественных деловых кругов, предполагает: усиление государственного регулирования экономическими процессами, защиту отечественного производителя, придание политике государства социальной направленности. Выбор пути социально-экономического развития решается средствами политической борьбы. Мы не беремся оценивать шансы победы оппозиции на выборах в Думу в декабре 1995 г. и, тем более, создания ею правительства при сохранении решающих властных рычагов в руках президента и его администрации. Нам представляется, что на втором пути стабилизация, а вслед за этим постепенный переход к росту экономики, могут быть достигнуты в более сжатые сроки и с меньшими потерями для трудящихся и, следовательно, большими шансами преодоления катастрофической ситуации в воспроизводстве населения.

Напоследок следует коснуться еще одной общей черты, характерной для обеих рецензируемых статей - в каждой на свой лад. Речь идет о стремлении к *биологизации социальных процессов*, в том числе процесса воспроизводства населения. Мы не сомневаемся, так же, как и уважаемые авторы, в том, что воспроизводство населения имеет одновременно социальную и биологическую основу. Вопрос не в признании этого самоочевидного факта, а в определении *характера их взаимодействия*, притом с

учетом данной общественной системы и данной социальной ситуации. В.И. Козлов декларирует в начале статьи прямую аналогию между условиями устойчивого воспроизводства вида в живой природе и условиями воспроизводства этноса в системе межнациональных и государственных отношений, хотя и оговаривает, что во втором случае «особую роль играет ассимиляция» [5, с. 770]. Автор не разворачивает аргументации в защиту этого, более чем спорного тезиса. Вряд ли надо здесь доказывать, что межнациональные отношения качественно отличаются от межвидовых отношений в биогеоценозе, между прочим, и потому, что все этносы принадлежат к одному виду *homo sapiens*. В последующем изложении автор не использует эту аналогию. Но если учитывать влияние отношений между этносами на воспроизводство их численности (хотя бы по аналогии с влиянием других видов на данный вид), то никак нельзя было обойти вопрос о зависимости социально-экономической катастрофы, переживаемой Российской Федерацией (и другими постсоветскими государствами), от поражения СССР в третьей мировой («холодной») войне и от сильнейшего экономического и политического давления, которое испытывает сегодня Россия после утраты своего исторического места в системе геополитических отношений в регионе и в мире.

Ошибка О.Д. Захаровой иного рода. Она связана непосредственно с общей концепцией демографического кризиса. Автор уподобляет в духе социального дарвинизма отношения между членами общества (в данном случае гражданами РФ) отношениям внутривидовой конкуренции. Вот типичное высказывание такого рода: «сверхсмертность последних лет, увеличившаяся только в старших возрастных группах более, чем в полтора раза, привела к омоложению населения, точнее - *произвела естественный отбор* (выделено мною. - М.Р.), уничтожив самых слабых и тех, кто не смог адаптироваться к резкой смене жизненных стереотипов и ориентиров» [11, с. 107]. Можно ли считать «естественным» отбором (при любом смысле этого термина) невыплату месяцами зарплату рабочим (например, шахтерам) либо интеллигентам (например, работникам научных учреждений?) Задержку с выплатой пенсий старикам и старухам, в том числе участникам Отечественной войны? Определение нижнего уровня зарплаты в несколько раз ниже физиологического прожиточного минимума или скудной продовольственной корзины? Простаивание месяцами предприятий с выплатой работникам жалкого пособия вместо зарплаты? Можно привести сколько угодно примеров, свидетельствующих о том, что причины обвального падения численности населения в России, особенно среди русских, коренятся не в «естественных» факторах, а в сложившейся социальной ситуации - при полной ответственности правящих кругов за выбор направления «реформ» и практику их осуществления в интересах компрадорской буржуазии и высшей бюрократии.

Что же касается внешне «объективистского» тона автора статьи по поводу «естественного» отбора, т.е. вымирания старшего поколения, а также людей, не сумевших адаптироваться к новым условиям (например, броситься в пучину спекуляции), то в нем слышится отзвук чувства удовлетворения, испытываемого при «очищении» общества от слабых. Не знаю, как воспримут эту тираду читатели, но я ощущаю ущерб гуманистическому мировоззрению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1985. С. 123.
2. Население СССР. 1988. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1989. С. 113-114.
3. Демографический ежегодник СССР. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 308.
4. РСФСР в цифрах в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 23.
5. Козлов В.И. Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа? // Вестн. Российской академии наук. 1995. № 9. С. 771-777.
6. Численность и состав населения СССР по итогам всесоюзной переписи 1979 года. М.: Финансы и статистика. 1984. С.358.7. Первышин Л. Истребление // Наш современник. 1995. № 10.

8. Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз (первое полугодие 1995 года). М.: ИСПИ РАН, 1995. С. 44.
9. *Гундаров И.* Демографический рубец от реформ // Независимая газ. 1995. 5 дек. С. 1.
10. См.: Правда. 1994. 26 марта. С. 4.
11. *Захарова О.Д.* Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы и перспективы // Социол. исслед. 1995. № 9. С. 99-109.
12. См.: Правда. 1995. 24 окт. С. 4.
13. См.: Нация тяжело больна // Правда. 1995. 27 окт. С. 7.
14. См.: Финансовые изв. 1995. 3 окт. С. 1.
15. *Глазьев С.* Ловушка Чубайса: стабилизация путем деградации // Правда России. 1995. 12 окт. С. 1-2.